
Третья попытка перехода к конституционному правлению в Испании

Т. А. АЛЕКСЕЕВА*

В европейской политико-правовой истории XIX в. заметную роль сыграли октроированные конституции, созданные по образцу Конституционной хартии 1814 г.¹ Конституционно-монархическое правление постреволюционной и постнаполеоновской Франции, закрепленное ею, по мнению выдающегося российского правоведа А. Градовского, стало «идеалом государственного устройства и предметом всех стремлений» для многих современников и сохраняло «свое нравственное влияние в Европе»² в течение многих десятилетий. Одним из многих законов, дарованных монархами и оформивших переход от абсолютизма к конституционализму, стал испанский Королевский статут 1834 г.³

История. Королевский статут 1834 г. юридически закрепил третью попытку перехода Испании к конституционному правлению.⁴ Она была предпринята в связи со сменой короля. 29 сентября 1833 г. умер Фернандо VII, правивший как абсолютный монарх. Спустя несколько дней, 3 октября, было опубликовано его завещание, в котором он назначал свою жену Марию Кристину де Бурбон правительницей королевства и регентшей на время несовершеннолетия дочери Изабеллы II. Помощь вдовствующей королеве в решении наиболее важных политических и административных проблем государства должен был оказывать учреждаемый Правительственный совет.

Завещание вызвало негодование брата умершего короля дона Карлоса, мечтавшего занять престол. Долгое время у него имелись все основания для серьезных надежд. Дело в том, что лишь в четвертом браке, в 1830 г., у Фернандо VII появился ребенок — дочь Изабелла. В ожидании ее рождения король повелел обнародовать «Прагматическую санкцию», принятую кортесами еще в 1789 г. и хранившуюся до того в тайне. Она отменяла введенный в 1713 г. в Испании королем Филиппом V так называемый «салический закон», не допускавший женщин к престолонаследию. Дон Карлос, угрожая началом военных действий, добился восстановления правила

* Кандидат юрид. наук, доцент СПбГУ.

© Т. А. Алексеева, 2007

¹ См. об этом: *Боржо Ш.* Учреждение и пересмотр конституций / пер. П. Высоцкого. СПб., 1918. С. 27–34.

² *Градовский А.* Государственное право важнейших европейских держав // Градовский А. Собр. соч. В 5 т. Т. 4. СПб., 1900. Т. 4. С. 515.

³ Далее этот акт цит. по: *Estatuto Real para la convocación de las Cortes Generales del Reino, mandado observar por S. M. la Reina Gobernadora en 10 de abril de 1834* // *Constituciones Históricas: Edición Oficial* / ed. Rico Linaje R. Sevilla, 1999. P. 83–87.

⁴ Конституция 1808 г., дарованная Наполеоном Испании, была отвергнута большинством ее жителей (подр.: *Алексеева Т. А.* Байонский статут 1808 г. в Испании // *Правоведение*. 2000. № 4). Первая национальная Конституция 1812 г., принятая в ходе национально-освободительной войны с наполеоновской Францией (подр.: *Алексеева Т. А.* Политическая конституция испанской монархии // *Правоведение*. 2002. № 2), была аннулирована в 1814 г. возвратившимся из эмиграции Фернандо VII, после чего Испания вновь стала абсолютной монархией; «конституционное» трехлетие 1820–1823 гг. (второе провозглашение Конституции 1812 г.) сменилось реакционным периодом «черного десятилетия» (1823–1833).

о недопущении женщин к занятию престола, однако правило действовало недолго и было окончательно отменено кортесами в 1833 г. После смерти брата и обнародования его завещания, 4 октября 1834 г., Карлос опубликовал Манифест и провозгласил себя законным монархом, после чего в Испании началась гражданская война, вошедшая в историю как Первая Карлистская и продолжавшаяся в общей сложности семь лет.

Вокруг дона Карлоса объединились сторонники абсолютизма и феодализма, их поддерживали правительства Австрии, Пруссии и России. Поэтому Мария Кристина, весьма далекая от конституционных идей, была вынуждена искать себе поддержку среди противников первых — среди либералов, выступавших за введение в Испании конституции, а на международной арене опираться на Англию, Францию и Португалию. Значительная часть сторонников королевы-правительницы в 1834 г., вскоре после издания Статута, объединилась в две партии: «умеренных» (или «доктринарных») и радикальных либералов (*moderados* и *progresistas*).

4 октября 1833 г. председатель совета министров Сеа Бермудес направил на подпись Марии Кристине Манифест, представлявший программу ее действий.⁵ «Религия и монархия — главнейшие жизненные элементы Испании — будут мной уважаться и поддерживаться во всей чистоте... Я буду тщательно соблюдать форму и основные законы монархии, не допуская никаких опасных новшеств, за которые, как нам хорошо известно, приходится слишком дорого платить. Лучшей формой правительства для страны является та, к которой она привыкла».⁶ Документ был выдержан в духе эпохи просвещенного абсолютизма и, как писал впоследствии Хавьер де Бургос (один из двух авторов проекта Королевского статута 1834 г.), не соответствовал чаяниям «ни абсолютистов, ни конституционалистов».⁷ Поэтому он вызвал серьезное недовольство среди сторонников Марии Кристины и военных. Генерал-капитаны Мануэль Ллаудер из Каталонии и Висенте де Кисада из Старой Кастилии обратились к правительнице с предложением об отставке Сеа Бермудеса и об учреждении нового правительства, которое будет обязано созвать кортесы королевства. По мнению Д. Санчеса Ахесты, это была разновидность пронунсиамента, т. е. армейского выступления, хотя в данном случае оно и выразилось лишь в демонстрации возможного применения силы верхушкой военных, подписавших обращение.⁸ Таким образом, старание Марии Кристины сохранить «старый порядок», как и такое же желание Людовика XVIII в 1814 г., восстановило против «новой власти подавляющую часть населения».⁹

Вынужденная отозваться на продемонстрированное недовольство, королева-правительница 15 января 1834 г. отправила в отставку Сеа Бермудеса. Главой совета министров стал Мартинес де ла Роса, в прошлом депутат Кадисских кортесов, один из авторов проекта Конституции 1812 г.

⁵ Tomas Villarroya J. Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 32.

⁶ Tomas Villarroya J. La redacción y publicación del Estatuto Real // Revista de Estudios políticos. 1966. № 145. P. 47.

⁷ Цит. по: Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. En 2 vol. Vol. 1. Madrid, 1974. P. 218.

⁸ Sanchez Agesta D. Historia del Constitucionalismo español. Madrid, 1964. P. 174.

⁹ История буржуазного конституционализма XIX в. / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1986. С. 93.

Он принимал участие в работе кортесов и в годы «революционного трехлетия» 1820–1823 гг., а затем длительное время находился в тюрьме и изгнании. Сам факт назначения Мартинеса де ла Роса означал согласие Марии Кристины провести умеренно либеральные реформы и предвещал, что Испании будет дана конституция, хотя и не столь демократичная, как это было в 1812 г. Заметим, что новый председатель правительства к 1834 г. уже отказался от мечты о новом провозглашении Кадисской конституции, более того, считал это дело опасным и бесполезным. Промульгированный Статут стал манифестом испанского «умеренного» либерализма,¹⁰ а «умеренные» (или «доктринарные») либералы (*moderados*) объединились в 1834 г. в свою партию, отличную от «прогрессистов» — радикальных либералов (*progresistas*).

Мартинес де ла Роса осознавал, что конституция должна соответствовать политическим взглядам нации, а если они весьма разнородны, то основной закон должен носить компромиссный характер. Последнее предопределило необходимость использования авторами проекта конституционного опыта, накопленного в Европе, прежде всего во Франции и в самой Испании в 1808–1814 и 1820–1823 гг. Продемонстрировав свою образованность, создатели проекта, действительно, весьма эффективно использовали уже апробированные идеи и конструкции для подготовки Статута, важнейшими функциями которого стали легализация Изабеллы II как королевы, а Марии Кристины как регентши и королевы-правительницы, а также оформление политических намерений главы государства для обеспечения соглашения с политическими союзниками.

Разработка проекта велась негласно — в процессе обсуждения принимали участие только совет министров и государственный совет. Кулуарное обсуждение обеспечило достаточно быструю разработку и издание акта.

Известно, что основными авторами текста были Мартинес де ла Роса и Хавьер де Бургос. В процессе его разработки можно выделить три этапа:¹¹ 1) с января по 7 марта — период подготовки проекта Королевского статута в совете министров; 2) с 9 по 24 марта — его обсуждение Правительственным советом, который внес в проект существенные изменения; 3) с 31 марта по 6 апреля — окончательная обработка текста с учетом сделанных при обсуждении предложений. Следует отметить, что опубликованию акта предшествовало длинное и основательное введение, а также серия статей, разъясняющих его положения.

Проект Статута был подготовлен к концу января 1834 г., после обсуждений на заседаниях правительства (совета министров), 7 марта 1834 г. он был направлен в Правительственный совет. Первоначальный текст отличался от окончательного варианта прежде всего объемом и структурой. Он состоял из 80 статей, объединенных в 9 глав: 1. О созыве генеральных кортесов королевства; 2. О палате пэров королевства; 3. О палате депутатов королевства; 4. О выборах; 5. Об избирательных хунтах; 6. О депутатах королевства; 7. Об избирательных хунтах в провинциях; 8. О созыве палаты депутатов королевства; 9. Общие положения.

¹⁰ *Diez del Corral*. El liberalismo doctrinario. Madrid, 1956. P. 440–442.

¹¹ *Tomas Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. P. 53.

В окончательном тексте гл. 4 и 5, весьма подробно регламентировавшие проведение двухстепенных выборов депутатов, полностью отсутствуют, вместо них появилась норма, отсылающая к будущему закону о выборах. Изменилось и отношение к палате пэров. Во-первых, в проекте признавалось пожизненным право на состояние ее членом, вовсе не упоминались наследственные пэры, которые появляются позднее, лишь в окончательном тексте. Во-вторых, палата имела сословный характер: о пэрах говорилось с добавлением «представляя свое сословие», что явно уже не соответствовало политическим взглядам большинства населения в 1830-е годы, поэтому по Статуту они являются представителями нации. Кроме того, в проекте умалчивалось о праве кортесов на петицию, признанном в ст. 32 акта, и о контрасигнатуре, зафиксированной затем в ст. 26 и 40 окончательного текста.¹²

Сходство представительного органа с английским парламентом было очевидным. Это объяснялось не только идейным влиянием конституционного опыта Великобритании, но и непосредственным дипломатическим воздействием. Известно, что английский посол Вилльерс, проявлявший большой интерес к процессу подготовки акта, 28 января 1834 г. сообщал своему правительству о том, что Мартинес де ла Роса не знает, как «созывать кортесы с учетом имеющихся обстоятельств»; однако он знает, что они должны быть двухпалатными и состоять из депутатов и пэров, при этом последние назначаются короной, поскольку «необходимо усилить власть монарха».¹³ Встретившись с авторами проекта, он рекомендовал включить в состав палаты пэров испанских грандов, так как государство не может существовать без аристократии.¹⁴

Правительственный совет возражал против проекта, считая, что следует ограничиться созывом кортесов, оставив им проведение необходимых конституционных реформ. Совет признавал только наследственный принцип при формировании палаты пэров. При обсуждении вопроса о порядке комплектования палаты депутатов его членами были выдвинуты два существенных предложения. Так, посчитали необходимым увеличить представительство городов, сделав выборы их депутатов прямыми, и предоставить право голоса только членам аюнтамьентов (муниципальных советов) этих городов в равном количестве с основными налогоплательщиками. Кроме того, члены совета предложили признать избирательную систему, закрепляемую Статутом, временной, поскольку постоянную установят созываемые кортесы. Данный подход найдет свое воплощение в окончательном тексте. Именно совет предложил признать традиционное право кортесов на петиции, контрасигнатуру и указать на существование президента правительства.

Вместе с сопроводительной запиской правительственный совет возвратил проект в совет министров, который на заключительном этапе работы учел некоторые сделанные предложения. 4 апреля 1834 г. окончательный проект был направлен регентше вместе с пояснительной запиской.¹⁵

¹² *Tomas Villarroya J.* La redacción y publicación del Estatuto Real. P. 59.

¹³ *Rodríguez Alonso M.* El Estatuto Real de 1834. El Embajador británico en la preparación y redacción definitiva del texto // REP. 1985. N 44. P. 193.

¹⁴ *Ibid.* P. 194.

¹⁵ *Exposición del Consejo de Ministros a S. M. la Reina-Gobernadora // Constituciones Históricas: Edición Oficial / ed. Rico Linaje R. Sevilla, 1999. P. 71–79.*

10 апреля 1834 г. Королевский статут был подписан Марией Кристиной, 15–17 апреля закон был опубликован в «*Gaceta de Madrid*» вместе с декретом о его промюльгации и введении в действие.¹⁶ Несмотря на то что в последнем говорилось об объявлении «Статута о созыве генеральных кортесов», а гл. 1 называлась «О созыве генеральных кортесов королевства» (ст. 1–2), созыв представительного органа вовсе не осуществляется.

Юридическая природа Статута. В современной испанской историко-правовой литературе идут дискуссии о юридической природе Королевского статута 1834 г., хотя все авторитетные исследователи считают, что этот акт не может быть назван конституцией, поскольку в нем отсутствует важнейшая часть — декларация прав и свобод человека и гражданина. Так, известнейший специалист по истории права Испании Б. Клаверо высказал мнение о том, что рассматриваемый документ не был конституцией, но лишь статутом, т. е. законом с меньшим значением, но того же высокого, т. е. конституционного уровня. Впрочем, замечает профессор, авторы проекта и не претендовали на то, чтобы он стал конституцией.¹⁷

А. Торрес дел Моррал объединяет всех специалистов по их отношению к Статуту в две группы: первые рассматривают его в основном как королевский акт, объявляющий о созыве кортесов и содержащий отдельные конституционные нормы; вторые (и их большинство) оценивают Королевский статут как закон о кортесах и их месте в политической системе.¹⁸ Очевидно, что первая позиция связана с оценкой содержания документа, вторая — с формой его принятия.

Так, Д. Севилья Андрес считал, что Статут — не конституция, а лишь акт о созыве кортесов.¹⁹ Такой же точки зрения придерживался и Л. Санчес Ахеста.²⁰ А. Посада рассматривал Статут как «декрет абсолютного монарха, который созывает кортесы и посредством этого акта их организует».²¹ Однако с этими оценками позволим себе не согласиться, так как Статут учреждает кортесы, но не созывает их.

Ф. Томас и Вальенте, обращая внимание на отсутствие в Статуте декларации прав, а также на способ его принятия, отказывался признать его конституцией, считая лишь октроированной хартией.²² Исследователь Диез дель Коррал, указав на узкое содержание Статута, отмечал, что с точки зрения политических принципов он был все-таки более обширным по сравнению с хартией.²³ Соле Тура и Аха также утверждал, что акт не может рассматриваться исключительно как хартия.²⁴ Х. Томас Вильярройа замечал, что политические и юридические доводы препятствуют причислению Статута к числу октроированных хартий.²⁵ Фраиле Кливельес акцентирует

¹⁶ *Real Decreto de 10 de abril de 1834 // Constituciones Históricas: Edición Oficial / ed. Rico Linaje R. P. 81.*

¹⁷ *Clavero B. Manual de historia constitucional de España. Madrid, 1990. P. 49.*

¹⁸ *Torres del Moral A. Constitucionalismo histórico español. Madrid, 1986. P. 89.*

¹⁹ *Sevilla Andrés D. Orígenes del Gobierno de Gabinete en España // Revista General de Derecho. 1947. P. 334–335.*

²⁰ *Sanchez Agesta D. Derecho Constitucional Comparado. Madrid, 1968. P. 455.*

²¹ *Gonzalez Posada A. Tratado de Derecho Político. Madrid, 1935. Vol. 2. P. 283.*

²² *Tomas y Valiente F. Manual de historia del derecho español. Madrid, 1995. P. 443.*

²³ *Diez del Corral. El liberalismo doctrinario. P. 449.*

²⁴ *Sole Turá y Aja. Constituciones y periodos constituyentes en España: 1808–1936. Madrid, 1977. P. 30.*

²⁵ *Tomas Villarroya J. El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. P. 101.*

внимание на том, что объявление этого закона Марией Кристиной было вынужденным. Поэтому, по мнению исследователя, он вообще не является октроированным актом, а имеет договорную природу.²⁶

Чрезвычайно важно, что никто из испанских исследователей не подвергал и не подвергает сомнению учредительный характер Королевского статута. При этом специалист по конституционному праву Ф. Фернандес Сегадо отмечает, что прогрессисты отказывали в признании его основным законом, квалифицируя лишь как «октроированный закон», который, по их мнению, мог занять в иерархии нормативных актов определенное место между законами основными и обычными. С точки зрения модераторов, Статут имел ранг «основного закона» (этот термин предпочитался ими «конституционному закону» или «конституции»).²⁷ Главный создатель проекта Мартинес де ла Роса, избегая слова «конституция», определял его как «основной закон», или «постоянный закон», т. е. закон, реставрирующий «наши древние основные законы». ²⁸ Заметим, что употребление слова «конституция» в то время было весьма нежелательным при дворе.

Октроированный характер Королевского статута всегда порождает ассоциацию с французской Хартией 1814 г. Кроме того, очевидно и сближающее Статут и Хартию заявленное желание их создателей лишь восстановить «основные законы монархии». Так, в самом начале текста Статута отражен решительный отказ от признания акта учредительным, и он представляется как способ применения исторического права королевой-правительницей, повелевающей созвать от имени своей дочери генеральные кортесы — представительный орган, что обосновывается ссылкой на законодательство XVI в. (ст. 1).

Маскировка абсолютно новых учреждений и институтов упоминанием о старых традициях и обычаях уже стала характерной чертой испанского конституционализма. Законодатель, как справедливо отмечал Б. Клаверо, использовал путь введения учредительного акта, «проторенный и провалившийся» ранее в 1812 г. в Кадисе.²⁹ Действительно, в обоих случаях учреждались институты с древними названиями, но совершенно новым содержанием. Введение новых принципов политической жизни, ранее не существовавших учреждений и институтов обосновывается традициями и обычаями, объясняется желанием восстановить ранее забытые законы. В Испании, как и во Франции в 1814 г., монарх предоставил «нации такие права и такую долю участия в управлении, которые и практически могли быть согласованы с началами монархическими». ³⁰ Такой подход должен был обеспечить легитимацию Статута в самых различных слоях общества, а также широкую поддержку королевы Изабеллы и регентши Марии Кристины в войне с доном Карлосом со стороны различных групп населения.

Особого внимания заслуживает позиция Х. Томас Вильярройя, определившего Статут как органическую часть конституции, подобную конституционным законам Третьей республики во Франции.³¹ Действительно,

²⁶ *Frailé Clivelles*. Introducción al Derecho Constitucional en España. Madrid, 1975. P. 244.

²⁷ *Fernández Segado F.* Las constituciones históricas españolas. Madrid, 1992. P. 129.

²⁸ Цит. по: *Tomas Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. P. 101.

²⁹ *Clavero B.* Manual de historia constitucional de España. P. 50.

³⁰ *Градовский А.* Государственное право важнейших европейских держав. С. 519.

³¹ *Tomas Villarroya J.* Breve historia del constitucionalismo español. P.122.

Королевский акт 1834 г., на первый взгляд, представляется законом о кортесах. В нем закрепляется их структура, состав палат, компетенция, определяется место кортесов в системе высших органов государства. Вместе с тем законодатель установил и некоторые принципиальные основы отношений кортесов с королем и советом министров, при этом был, хотя и без серьезной проработки, представлен их правовой статус. Думается, что Королевский статут 1834 г. все же является конституцией, хотя и октроированной по способу принятия и неполной с точки зрения ее содержания.

Статут 1834 г. не затрагивает многие важные вопросы, освещавшиеся в конституциях конца XVIII — XIX в. Так, в нем не определяются: порядок престолонаследия, компетенция монарха, правила формирования и основы деятельности правительства. Текст умалчивает о местных органах и судебной системе, не упоминает о правах и свободах личности. Поэтому данный закон может быть признан лишь неполной конституцией. По сравнению с обстоятельным Основным законом 1812 г., в котором было 384 статьи, Королевский статут выглядит весьма скромно. Его текст состоит из небольшой преамбулы и 50 статей, объединенных в пять разделов. Небольшой размер акта позволяет охарактеризовать его как краткую конституцию. Данная особенность сыграла положительную роль в судьбе акта: он получил развитие в текущем законодательстве, а также в конституционной практике. Королевский статут является гибкой конституцией, так как в нем не устанавливалось какой бы то ни было специальной процедуры для внесения в его текст изменений и дополнений. Документ имел также практический, а не программный характер, поэтому неудивительно, что ему изначально была уготована роль временной конституции. Последний термин, думается, можно смело использовать, поскольку акт 1834 г. предназначался для того, чтобы вывести испанскую государственность из эпохи абсолютизма.

Принципы Статута. Главными идейными принципами, которыми руководствовались авторы проекта, создавая Королевский статут 1834 г. и учреждая новый политико-правовой порядок, являлись королевский (по мнению некоторых авторов — совместный) суверенитет и сотрудничество властей. Эти основы не нашли четкого закрепления в тексте и могут быть выявлены лишь в результате его анализа.

Неудивительно, что определение разновидности суверенитета, признанного в акте, является предметом дискуссии, в ходе которой в испанской историко-правовой литературе высказаны две различные точки зрения. Более убедительной представляется та из них, что связывает с актом, дарованным королевой-правительницей, принцип королевского суверенитета, столь тщательно оформленный во французской Хартии 1814 г. В преамбуле последней было указано: «*Вся власть сосредоточивалась во Франции в особе короля*».³² Статут 1834 г. — это королевский акт, результат волеизъявления регентши Марии Кристины. Следуя примеру Людовика XVIII, она издала «не основной закон, обнимающий все стороны государственного порядка и устанавливающий новые начала политической жизни, а королевский указ, основанный на старом порядке и вносящий в последний

³² *Конституционная Хартия 4 июня 1814 г. // Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. / под ред. П. Н. Галанзы. М., 1957. С. 438–446.*

лишь частичные изменения».³³ Конечно, правительница издала акт не добровольно, но была вынуждена к тому конкретными политическими обстоятельствами. То, что именно королевский суверенитет стал базовым принципом Статута, подтверждает и отсутствие в акте провозглашения иной разновидности суверенитета, например народного (национального), как это было сделано в Конституции Испании 1812 г.

Согласно второй точке зрения Статут базируется на идее совместного (разделенного) суверенитета. Эту мысль с 1834 г. стали высказывать «модераторы». Многие связывали с нею сущность так называемой «внутренней конституции» Испании.³⁴ По мнению приверженцев этой позиции, у Испании (как у Великобритании) имелась историческая конституция, ее двумя элементами являлись монарх и кортесы, лишь вместе они могут принимать наиболее важные для нации политические решения, в том числе изменять писаную конституцию. Х. Вильярройя пытается подкрепить данную позицию³⁵ ссылкой на ст. 30 Статута, обязывающую короля созывать кортесы «всякий раз, когда имеет место затруднение, серьезность которого, по мнению короля, требует консультации с ними». Однако представляется, что сторонники идеи совместного суверенитета как основы якобы имевшейся у Испании исторической конституции делают попытку увидеть в Статуте то, что на самом деле найдет свое явное отражение лишь в текстах Конституций Испании 1845 и 1876 гг.

Статут, подобно Хартии, не провозглашает принципа разделения властей, но предполагает взаимодействие последних. Так, Мартинес де ла Роса, выступая в кортесах, подчеркивал, что целью правильного политического режима является установление связей между различными властями, которые взаимодействуют, не мешая друг другу.³⁶ Однако следует отметить: так называемое «сотрудничество властей» выражается лишь в том, что указанные в акте органы должны помогать короне в осуществлении государственной власти и реализовывать строго определенные функции, на которые они ею уполномочены. Поэтому позволим себе выразить сомнение в том, что использование термина «сотрудничество властей» является адекватным применительно к рассматриваемому акту.

Статут 1834 г. не имеет декларации прав и свобод личности, что отличает его от Хартии 1814 г., первый отдел которой (ст. 1–12) «Публичное право французов» содержит их перечень. Данное умолчание авторы допустили сознательно. Во вступительной записке они пояснили: отказ признавать права индивида вытекающими из абстрактных и теоретически сформулированных принципов обусловлен тем, что это можно сделать лишь реальными средствами.³⁷ Иными словами, они отнесли вопрос о правах и свободах к сфере практической деятельности, отклонив необходимость их закрепления в тексте Статута. Однако уже на заседаниях первых созванных кортесов, в июле 1834 г., депутаты приступили к рассмотрению предложений об обращении к королеве с петицией о принятии Декларации прав и свобод.

³³ Алексеев А. С. К вопросу о юридической природе власти монарха в конституционном государстве. Ярославль, 1910. С. 1–2.

³⁴ Sanchez Agesta L. Historia del Constitucionalismo español. P. 191.

³⁵ Tomas Villarroya J. Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 34–35.

³⁶ См.: Ibid. P. 35.

³⁷ Fernandez Segado F. Las constituciones históricas españolas. P. 148.

Король. Несмотря на то что на испанском престоле, в отличие от французского, могла оказаться и в тот момент действительно оказалась женщина, законодатель, обозначая главу государства, использует лишь термин «король» (*rey*), не упоминая «королеву» (*reina*). Как уже отмечалось, в Статуте нет раздела, посвященного правовому положению монарха, подобного тому, что содержится во французской Хартии 1814 г. Вместе с тем отдельные элементы его правового положения могут быть отмечены в тексте. Х. Томас Вильярройа выделил из них три основных.³⁸ Во-первых, историк права обращает внимание на фактическое существование регентства, так как реализация королевской власти во время несовершеннолетия королевы Изабеллы стало делом ее матери Марии Кристины де Бурбон, получившей свой титул согласно завещанию Фернандо VII от 12 июня 1830 г. Во-вторых, правительница сконцентрировала всю полноту государственной власти в своих руках, но должна была «поделиться» некоторыми собственными полномочиями с институтами, учреждаемыми (или «реставрируемыми») Статутом. В-третьих, монархическая власть приобрела особое значение — она стала фактором политической интеграции в условиях гражданской войны.

Все полномочия монарха могут быть разделены на три группы: 1) права, связанные с формированием, организацией и деятельностью кортесов, 2) правомочия в сфере законотворчества и 3) в сфере исполнительной власти.³⁹

В соответствии с полномочиями, относимыми к первой группе, монарх частично формирует палату пэров, назначает руководителей палат. Право созывать кортесы, предусмотренное и первой испанской Конституцией 1812 г., признается прерогативой короля. Он определяет дату, место их заседаний, а также вопросы, подлежащие их рассмотрению (ст. 24–25, 31). Но все эти действия король совершает посредством издания декретов, содержание которых определяется в различных статьях Статута. В то же время в ряде случаев созыв представительного органа становится обязанностью монарха. Так, он должен это сделать при разрешении важных и сложных проблем (ст. 30), для того чтобы вотировать налоги в течение установленного срока (ст. 35). Кроме того, представительный орган созывается в случае смерти короля (ст. 27), если наследник является несовершеннолетним (ст. 28), для того чтобы опекуны короля принесли клятву кортесам (ст. 29). В период действия Королевского статута 1834 г. стало традицией при открытии сессий зачитывать обращение королевы (это будет закреплено в регламентах двух палат).

Только король вправе распустить кортесы (ст. 24 и 40); при определенных условиях это могло использоваться и использовалось в качестве средства разрешения конфликта между министрами и национальным представительством. Эти действия предписывалось осуществлять монарху лично или посредством декрета, подписанного также президентом совета министров (ст. 37). В Статуте четко указаны последствия роспуска кортесов: 1) прекращение деятельности обеих палат (ст. 41); 2) палата пэров вновь не может собираться и принимать решения до тех пор, пока не начнет

³⁸ *Tomas Villarroya J.* El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. P. 142.

³⁹ *Fernández Segado F.* Las constituciones históricas españolas. P. 142.

свою работу палата депутатов (ст. 42); 3) полномочия депутатов аннулируются (ст. 43); 4) королю вменяется в обязанность созвать новые кортесы в течение года (ст. 44).

Если монарх, используя свое исключительное право, приостанавливает деятельность представительного органа, он продолжит свою деятельность лишь в результате нового созыва (ст. 38). При этом в кортесы придут прежние депутаты, если не истек трехлетний срок их полномочий (ст. 39). Учитывая положения ст. 35, можно предположить, что правление без кортесов не может продолжаться более двух лет.

Несмотря на то что в Статуте четко не указан субъект, наделенный правом законодательной инициативы, ни у кого не вызывало сомнения, что таковым является монарх. В качестве косвенного подтверждения этому предлагается формулировка ст. 31. В данном случае авторы текста отказались от предоставления права законодательной инициативы членам представительного органа или его палатам, вдохновившись положением французской Хартии 1814 г., согласно которому «закон предлагается королем» (ст. 16). Обосновывая его исключительное право, авторы текста пояснили: «Королевская власть, как наиболее совершенная вследствие своего высокого положения, знает общие потребности государства и средства их удовлетворения и поэтому должна предлагать вопросы для обсуждения кортесами».⁴⁰ В свою очередь кортесам было предоставлено право на петиции — т. е. на обращение с предложением (или просьбой) о принятии определенного акта (ст. 32). Историк М. Артола обращал внимание на то, что это право — единственное, которое палаты могут реализовывать по своей собственной инициативе.⁴¹ На практике они будут активно им пользоваться.⁴² Королю также принадлежало право санкционировать законы.

В тексте Статута король не определяется как глава государства и исполнительной власти. Однако политическая доктрина той эпохи признавала, что определенные полномочия являются атрибутами короны. Среди них можно назвать следующие: 1) осуществление верховного главнокомандования вооруженными силами и флотом (однако в связи с присутствием женщины на престоле это право превратилось лишь в номинальное и реализовывалось непосредственно министром обороны); 2) руководство дипломатическими и торговыми отношениями с другими государствами; 3) реализация распорядительных полномочий, что выражалось в издании декретов во исполнение законов; 4) забота о соблюдении общественного порядка; 5) назначение на гражданские и военные должности.⁴³

Кортесы. Королевский статут, как отмечалось выше, в основном посвящен кортесам, закреплению основ их организации и деятельности. Первые же его статьи исключают всякие подозрения о восстановлении средневекового учреждения. Как справедливо заметил Е. Понт, кортесы — институт, действительно имеющий собственную историю, — предстают в преобразованном виде.⁴⁴ Традиционное для Испании название представительного органа

⁴⁰ Ibid. P. 78.

⁴¹ Artola M. Partidos y programas políticos. 1808–1936. Vol. 1. P. 221.

⁴² Так, с июля 1834 г. по май 1935 г. было подготовлено 56 петиций (Ibid.)

⁴³ Tomas Villarroya J. Breve historia del constitucionalismo español. Madrid, 1997. P. 38–39.

⁴⁴ Pont E. J. Ull. El sufragio censitario en el derecho electoral español // Revista de Estudios Políticos. 1974. N 193. P. 130.

использовано для обозначения совершенно нового органа, созданного по образцу английского парламента и аналогичного тому, что был оформлен французскими Хартиями 1814 и 1830 гг. Так, Статут закрепляет новеллу: кортесы состоят из двух палат: палаты пэров и палаты депутатов (ст. 2). Палаты созываются и распускаются одним королевским декретом, заседают раздельно, но в одно и то же время, в своей совокупности образуют кортесы (ст. 41, 45–47). Бикамерализм впервые вводится в Испании как принцип государственного права для того, чтобы в соответствии с идеями, получившими признание в Европе, обеспечить наличие «посредника» между королевской властью и выборной палатой. Так, в записке правительства, сопровождавшей проект, говорилось, что палата пэров является подходящей и необходимой для того, чтобы стать барьером для порывов, исходящих от народной палаты, для того, чтобы противостоять «деспотизму и анархии».⁴⁵ Кроме того, аргументом в пользу новой структуры стало желание обеспечить представительство всех социальных групп и слоев общества, убеждение в том, что это повысит качество создаваемых законов. Также было принято во внимание и существование к тому времени второй палаты во многих государствах, учредивших представительные органы.⁴⁶ В гл. 2 «О палате пэров королевства»⁴⁷ (ст. 3–9) законодатель весьма подробно определяет порядок формирования верхней палаты. Английский посол Вильерс настойчиво обращал внимание Мартинеса де ла Росы на то, что присутствие в палате лишь назначаемых королем пэров, как это предполагалось первоначально, придаст монаршей власти «невероятную силу».⁴⁸ В состав палаты по Королевскому статуту входят лица, занимающие места по должности и пожизненно, что отличено от положений Хартии 1814 г., вводившей лишь вторую и третью категории пэров (ст. 27, 30). Верхняя палата, по мнению Ф. Томаса и Вальенте, была подобна палате средневековых кортесов и являлась сословной.⁴⁹ С оценкой, данной авторитетным специалистом, позволим себе не согласиться, поскольку в составе палаты пэров должны были оказаться представители различных сословий и групп. Высшее духовенство (архиепископы и епископы) присутствуют в ней по должности (ст. 4), гранды Испании — в силу титула и по наследству (ст. 6) при условии, что они отвечают четко сформулированным требованиям (ст. 5). Остальные члены занимают места в верхней палате пожизненно в силу назначения короля. Количество таких пэров не ограничено и зависит от королевского усмотрения, однако категории их четко определены, это: титулованные особы Кастилии, отвечающие требованиям ст. 8; лица, отличившиеся на политическом и военном поприще при занятии определенных должностей (ст. 3.4); землевладельцы и буржуазия, удовлетворявшие определенным требованиям (ст. 3.5); образованные люди, отвечавшие указанному имущественному цензу (ст. 3.6).

Гранды, знать Кастилии, землевладельцы и буржуазия, просвещенные люди для того, чтобы занять место в палате пэров, должны иметь

⁴⁵ *Exposición del Consejo de Ministros...* P. 75.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ В Хартии 1814 г. имелся раздел с тем же названием (ст. 24–34).

⁴⁸ *Rodríguez Alonso M.* El Estatuto Real de 1834. El Embajador británico en la preparación y redacción definitiva del texto // *Revista de Estudios Políticos.* 1985. 44. P. 193–194.

⁴⁹ *Tomas y Valiente F.* Manual de historia del derecho español. Madrid, 1995. P. 443.

определенный годовой доход от имущества (ст. 3, 5, 8). Для тех, кто «получил своими знаниями и образованностью в науках известность и признание», к таковому приравнивается жалование, выплачиваемое из казны (ст. 3). Предшествующий депутатский опыт освобождает собственников недвижимости от необходимости удовлетворять имущественному цензу. Таким образом, законодатель использует знатность, богатство и компетентность в качестве принципов формирования верхней палаты. Думается, что правильнее оценить природу палаты пэров как аристократическую, так как в ней изначально предполагалось собрать аристократию по духу, по крови, а также элиту административную, интеллектуальную и экономическую.⁵⁰ Монарх не только ограничивается в возможности свободно формировать состав этой палаты, ему также отказано в праве лишать звания пэра по своему усмотрению. Оно может быть утрачено только в порядке, предписанном законом и по приговору суда (ст. 10).

В Статуте устанавливаются некоторые основные принципы деятельности кортесов. Так, палаты заседают одновременно. Их сессии являются публичными, за исключением случаев, указанных в регламенте (ст. 48). Отметим отличие данного правила от четкого предписания французской Хартии 1814 г. о закрытом характере заседаний верхней палаты (ст. 32), отмененного в 1830 г.

В гл. 3 и 4 («О палате депутатов королевства» и «О созыве палаты депутатов королевства») устанавливаются принципиальные положения организации нижней палаты кортесов — палаты депутатов (ст. 13–23). Эта палата является выборной, она состоит из депутатов, избираемых на три года в соответствии с правилами, которые предполагается установить специальным избирательным законом. Подобная бланкетная норма содержалась и в Конституционной хартии 1814 г. (ст. 35). В то же время исчерпывающе сформулированы требования, предъявляемые к депутатам, в том числе возрастной и имущественный цензы (ст. 14), а также обстоятельства, препятствующие избранию (ст. 15). Цензы должны были, с одной стороны, гарантировать моральную и политическую независимость избранных, с другой — обеспечить консервативно настроенный депутатский корпус. Так, представительная система устанавливается прежде всего в пользу собственников. В соответствии с избирательным законом, принятым для реализации Статута в 1834 г., из 12 162 172 жителей Испании правом избирать могли воспользоваться только 16 946 испанцев, лишь 950 человек могли стать выборщиками. Таким образом, активным избирательным правом обладали 0,12–0,15 % населения.⁵¹ Для депутатов нижней палаты вводится императивный мандат (ст. 16) — то небольшое, что сближает эти кортесы со средневековыми сословно-представительными учреждениями.

Формирование нижней палаты не зависит от воли монарха. Срок депутатских полномочий четко определен в три года, досрочно они могут быть прекращены в связи с роспуском кортесов главой государства (ст. 43). Статут предполагает и большую автономию нижней палаты в организации своей деятельности. Ее президента и вице-президента король назначает из

⁵⁰ *Tomas Villarroya J.* Breve historia del constitucionismo español. P. 42.

⁵¹ *Fernandez Dominguez A.* Leyes electorales españolas de diputados a córtes en el siglo XIX: estudio histórico y jurídico-político. Madrid, 1992. P. 53.

пяти кандидатов, избранных самими депутатами (ст. 21), а президента и вице-президента верхней палаты он назначает самостоятельно (ст. 12), как это было и в Хартии 1814 г. (ст. 43, 29). Влияние монарха на деятельность палат ограничивается упоминанием о регламентах, которые определяют внутреннюю организацию и порядок принятия решений палатами (ст. 11, 23). Заметим, что в тексте не сказано, кто именно принимает эти регламенты. Неопределенность — одна из юридических особенностей Статута — проявляется и в части определения компетенции кортесов.

В акте закреплена неприкосновенность пэров и депутатов во время осуществления своей деятельности (ст. 49), что гарантирует независимость представительного органа от монарха. Это положение было заимствовано из уже накопившегося конституционного опыта различных государств, источником которого стал английский билль о правах 1689 г. и его французская реплика 1814 г. (ст. 34, 53).

В гл. 5 «Общие положения» (ст. 24–50) определены полномочия кортесов, а также некоторые принципы их деятельности и взаимоотношений с королем.

Компетенция кортесов весьма скромна. Они ограничивают власть короля лишь в трех областях: законодательство (ст. 33), налогообложение (ст. 34–36) и участие в решении вопросов престолонаследия (ст. 27–29). Однако некоторые авторы выделяют несколько функций представительного органа: законодательную, финансовую, судебную, политико-конституционную (политическую) и контрольную.⁵²

Для принятия закона требуется, чтобы он был одобрен обеими палатами и получил санкцию короля (ст. 33). Процедуру обсуждения и одобрения предполагается закрепить в регламентах палат. В них будет предусмотрено формирование согласительной комиссии из пэров и депутатов, если палаты по-разному отнесутся к законопроекту. С регламентах не будет закреплено их право вносить изменения в предложенный королем законопроект, но парламентская практика с самого первого момента признает его за каждым пэром и депутатом.⁵³ Об абсолютном вето короля прямо не упоминалось в ст. 33, однако, сравнивая ее формулировку со ст. 145–151 Конституции 1812 г., закрепившими отлагательное вето монарха, вполне можно сделать вывод о том, что оно является именно таковым. Об абсолютном характере вето говорилось лишь в официальном комментарии, опубликованном в «*Gaceta de Madrid*».⁵⁴ Но во время действия Статута министры никогда не советовали королеве-правительнице отказывать в санкции, и она не пользовалась этим правом.

Финансовая функция кортесов выражалась в праве вотировать налоги и по существу принимать бюджет. Предложение о вотировании налогов может исходить только от короля и нуждается в одобрении кортесами (ст. 34), при этом налоги вводятся ими на двухлетний срок (ст. 35). Примечательно, что принятию решения предшествует особая предварительная процедура проверки расходования правительством государственных средств: министры предоставляют кортесам данные о состоянии подведомственных отраслей управления, после чего министр финансов должен предоставить

⁵² Fernández Segado F. Las constituciones históricas españolas. P. 138.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ *Exposición del Consejo de Ministros...* P. 71–80.

смету расходов и способы их покрытия (ст. 36). Подобная процедура столь тщательно не предусматривалась Хартией 1814 г. Это правило стало основой для контроля кортесов за деятельностью правительства. Постепенно был заимствован и известный для двухпалатных парламентов принцип — финансовые законы сначала рассматриваются выборной палатой,⁵⁵ что было четко признано французским законодателем в 1814 г. (ст. 47).

Статут также заложил основы судебной функции представительного органа, предусмотренные еще в Основном законе 1812 г. (ст. 226, 228–229). Под влиянием исторической конституции Великобритании регламенты обеих палат закрепили его право привлекать к уголовной ответственности отдельных министров за противоправные деяния, совершенные при осуществлении своей деятельности. В процедуре участвовали обе палаты: палата депутатов возбуждает дело, а пэры судят (такие же правила предписывались ст. 55 и 56 Хартии 1814 г.). Примечательно, что при отсутствии специального закона о процедуре реализации министерской ответственности за время действия Статута дважды вставал вопрос о возбуждении преследования в отношении членов правительства Мартинеса де ла Роса.

Политическая функция кортесов могла быть реализована лишь по усмотрению короля (ст. 30). В тексте закреплены только два случая, когда это делается в силу предписания Статута: они созываются для принесения присяги новому главе государства и принятия его присяги (ст. 27), а также принимают присягу опекунов малолетнего монарха (ст. 28–29).

Статут не закрепляет права кортесов инициировать внесение в него изменений и дополнений. Очевидно, это могло быть сделано лишь монархом, его издавшим. За период действия акта единственное изменение было сделано декретом королевы-правительницы Марии Кристины от 24 мая 1836 г.

Функция контроля кортесов могла быть реализована при изучении предложенного правительством бюджета, а также при обсуждении вопроса о доверии правительству, который не был предусмотрен в тексте Статута, но впоследствии реализовался в конституционной практике.

Правительство. Четко следуя принципу разделения властей, Кадисские кортесы в 1812 г. запрещали депутатам занимать должности министров (ст. 95 Конституции 1812 г.). Статут не содержит подобного запрета; это дало основание для толкования этого умолчания в пользу разрешения совмещать депутатскую и министерскую деятельность, что было прямо дозволено в акте Людовика XVIII (ст. 54). Во время действия Статута стало очевидно: не только возможно, но и целесообразно избирать министров из числа тех, кто принадлежит к числу депутатов или пэров.⁵⁶

В Статуте признается факт существования правительства⁵⁷ (совета министров) и его председателя (ст. 26, 37, 40), закрепляется правило контрасигнатуры (ст. 26, 37), чем, как отмечалось выше, заложены основы контроля кортесов за деятельностью совета министров (ст. 36). При этом можно выделить принципы его деятельности, выводимые из текста Статута и практики его реализации. Таковыми стали: коллегиальность, однородность его состава, ответственность перед королевой и кортесами.⁵⁸

⁵⁵ Tomas Villarroya J. El sistema político del Estatuto Real, 1834–1836. P. 371.

⁵⁶ Ibid. P. 250.

⁵⁷ В Хартии 1814 г. имелся небольшой раздел «О министрах» (ст. 54–56).

⁵⁸ Tomas Villarroya J. Breve historia del constitucioalismo español. P. 38.

Впервые в законодательстве Испании был упомянут председатель правительства, которому вручается право контрасигновать декреты об открытии, приостановлении и роспуске кортесов (подобных положений не содержалось во французском акте 1814 г.). Он же стал играть важную роль в формировании совета министров. Ничего не говорится в Статуте о том, кто назначает председателя на должность. Это умолчание интерпретировалось как закрепление этой прерогативы за монархом. Следует отметить, что, несмотря на начальный уровень развития политических партий, было очевидно: орган, принимающий коллегиальное решение, может эффективно функционировать, если его члены объединены одинаковыми политическими идеалами и целями деятельности. Так, все правительства эпохи Королевского статута 1834 г. — Мартинеса де ла Росы, Мендисабалья, Истурисы⁵⁹ — состояли из лиц, которые имели одинаковые идейные убеждения.

Уже в первые месяцы правления Марии Кристины стало ясно, что главой правительства может стать только тот, кто в силу личностных особенностей, политических взглядов и способности к компромиссу может пользоваться поддержкой монарха и представительного органа.

Частая смена правительств в период действия Королевского статута свидетельствовала о том, что председатель и министры нуждаются в двойном доверии: короля и кортесов. Известно, что им обладало правительство Мартинеса де ла Роса. Все же другие советы министров не всегда имели двойное доверие. Так, правительство, возглавляемое Мендисабалем, поддерживалось большинством в кортесах, избранных в феврале 1836 г. Несмотря на это регентша в середине мая отправила его в отставку, а Истурису дала поручение образовать новый кабинет.

Впервые вопрос о доверии правительству обсуждался по инициативе Мендисабалья 31 декабря 1835 г. в связи с обсуждением избирательного закона. Вотум недоверия впервые был выражен 21 мая 1836 г. правительству Истуриса. Предложение исходило от 68 депутатов и было поддержано всей их палатой. Мария Кристина разрешила возникший конфликт не путем отставки совета министров, а путем издания 22 мая 1836 г., на следующий день после выражения вотума недоверия, декрета о роспуске кортесов. Хотя данный пример не свидетельствует о прямом и быстром заимствовании королевой-правительницей конституционной практики Великобритании, следует отметить, что политическая ответственность совета министров перед кортесами становилась реальностью во времена действия Статута. Она получила признание и была реализована наряду с индивидуальной ответственностью министров за совершенные нарушения.

Судьба и значение Королевского статута. По мнению известного историка М. Артолы, учрежденный Статутом политический порядок не удовлетворял чаяниям значительной части политически активного испанского общества, которое после его издания будет стремиться заменить его более демократичной организацией общества.⁶⁰

⁵⁹ В период действия Статута функционировали правительства, во главе которых были следующие премьеры: Франсиско Мартинес да ла Роса (15 января 1834 г. — 7 июня 1835 г.), Хосе Мария Кеипо де Льяно (7 июня 1835 — 14 августа 1835 г.), Мигель Риккардо де Алава (14 августа 1835 г. — 25 сентября 1835 г.), Хуан Альварес Мендисабаль (25 сентября 1835 г. — 15 мая 1836 г.), Франсиско Хавьер Истурис (15 мая 1836 г. — 14 августа 1836 г.).

⁶⁰ Artola M. Antigua régimen y revolución liberal. Barcelona, 1978. P. 288.

Неудовлетворенность, традиционно отмечаемая в литературе, связывается с тремя главными недостатками, свойственными акту 1834 г.: 1) отсутствие декларации прав; 2) несоответствие правительственной системы, адекватной требованиям либерального общественного мнения; 3) реальное и декларируемое происхождение Статута как октроированного акта, не связанное с вмешательством в процесс его создания испанского народа. В связи с этим, как отмечал Х. Томас Вильярройа, Статут критиковали главным образом по этим трем направлениям; прежде всего раздавались требования дополнить его декларацией прав, провести серьезную правительственную реформу, заменить Статут Конституцией 1812 г., пронизанной идеей свободы, провозглашавшей принцип национального (народного) суверенитета, законности, признания и обеспечения прав личности.

Акт стал реально действующим законом. 20 мая 1834 г. Мария-Кристина издала декрет о созыве кортесов, а 9 июня 1834 г. — декрет, установивший правила выборов депутатов. После проведения 30 июня 1834 г. выборов депутатов была сформирована и палата пэров. В соответствии со Статутом издали и опубликовали регламенты палат.

В палате депутатов были весьма сильны позиции либералов, выступавших с предложениями о проведении дальнейших конституционных реформ, в частности о принятии декларации прав и свобод. В мае 1836 г. было принято решение о внесении изменений и дополнений в Статут. Однако в результате социальных и прежде всего военных волнений Мария Кристина была вынуждена ввести в действие Конституцию 1812 г., а затем согласиться с введением в действие Конституции 1837 г.

Королевский статут 1834 г., далекий от совершенства по своим юридическим качествам, выполнил свою миссию: он исполнил роль временной и реальной конституции.⁶¹ Закон обеспечил на этот раз удачный переход Испании к конституционному правлению, стал юридической границей между абсолютизмом и конституционализмом в стране. Статут установил некоторые ограничения королевской власти, ввел представительный орган и некоторые новые конституционные институты в политическую жизнь Испании, которые уже существовали в развитых странах. Положения Статута не только были реализованы, но и получили дальнейшее развитие в конституционной практике (совет министров и премьер, право роспуска кортесов, парламентский контроль за исполнительной властью, бикамерализм и др.). Королевскому статуту может быть дана оценка, сформулированная Ж.-П. Жакке в отношении Хартии 1814 г.: он «не учредил парламентского режима», но и не запретил «развитие институтов в этом направлении».⁶² Королевский статут 1834 г., проложив дорогу дальнейшему развитию конституционализма, стимулировал и создание полной конституции, обеспечил дальнейшее постепенное конституционное развитие Испании.

⁶¹ Мы не можем согласиться оценкой, данной Статуту в советской литературе, как «конституции, которая, признавая на словах принцип ограниченной монархии, на практике делала все возможное для того, чтобы фактически сохранить слегка завуалированное самодержавие» (*Майский И. М.* Испания 1808–1917. М., 1957. С. 198), а также с ремаркой о спорности его «подлинной... конституционности» (*Медушевский А. Н.* Теория конституционных циклов. М., 2005. С. 162).

⁶² *Жакке Ж.-П.* Конституционное право и политические институты / пер. с фр. В. В. Малакова. М., 2002. С. 224.